

УДК 821.161.1(091)

*Г.М. Ребель***ТУРГЕНЕВ И ДОСТОЕВСКИЙ: СМЕНА ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЕХ В КРИТИКЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

В статье анализируются причины и характер историко-литературной смены вех, осуществленной в рамках русской религиозной философии и литературоведения 1920-х гг.

Литературно-философская критика Серебряного века главным предметом своего внимания и интереса сделала творчество Ф.М. Достоевского, что предопределило содержание литературоведческих концепций Б. Энгельгардта и М. Бахтина, оказавших существенное влияние на последующее литературоведение. В результате возникли искажения в интерпретации литературного процесса второй половины XIX века, что, в свою очередь, до сих пор сказывается на построении университетских и школьных курсов литературы этого периода.

В частности, религиозно-философскими и возникшими на их базе научными штудиями 1910–1920-х гг. была разорвана идеологическая и эстетическая связь творчества Достоевского с творчеством Тургенева, проигнорирован полемический характер творчества Достоевского относительно творчества Тургенева. В статье восстанавливается логика литературного процесса второй половины XIX века, последовательность появления сначала идеологического романа Тургенева и только после него, в связи с ним, а во многом и в полемике с ним – идеологического романа Достоевского. Предлагаемое сопоставление двух жанровых модификаций идеологического романа позволяет, с одной стороны, показать их общность, с другой – кардинальное различие, эстетическую специфику, предопределенную особенностями художественного видения и художественной стратегии Тургенева и Достоевского.

Ключевые слова: Тургенев, Достоевский, Б. Энгельгардт, А. Штейнберг, М. Бахтин, А. Волынский, В. Иванов, Л. Шестов, идеологический роман, жанровая модификация, роман об идее, роман о человеке идеи.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-3-503-510

В статье И.Д. Якубович «Достоевский в религиозно-философских и эстетических воззрениях А.Волынского» находим следующее, концептуально значимое в рамках нашей темы определение: «...для осознания места Достоевского в истории мировой культуры огромную роль сыграло время возрождения, обновления русской религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX в. Наступил новый этап восприятия чувства жизни, мировоззрения, эстетической культуры. Он выразился в расцвете русской мысли, в литературном движении символизма. К предшественникам нового течения относят Ф. Сологуба, З.Н. Гиппиус, А. Волынского. С их именами традиционно связывают переосмысление отношения к творчеству Достоевского» [22. С. 67].

Сам А.Л. Волынский в своей работе о Достоевском 1906 г. зафиксировал начало процесса смены вех следующим образом: «Интерес, который в настоящее время с особенной силой возбужден в обществе к Достоевскому, нужно считать явлением в высшей степени важным и характерным. На наших глазах совершается прилив какого-то страстного, беспокойного внимания к Достоевскому. <...> Можно сказать почти с уверенностью, что многие вновь перечитывают теперь его произведения и, перечитывая, понимают их по-иному, чем прежде, более глубоко, с большею личною, психологическою заинтересованностью. Именно Достоевский, а не Толстой, призван довершить ту ломку старых умственных основ и устоев, при которой открываются для жизни и искусства новые пути» [4. С. 37].

Под слом, по Волынскому, были обречены принципы «утилитарной критики», на смену которой пришла критика идеалистическая [8. С. 3], которая и призвана была обозначить и обосновать особую роль Достоевского в истории русской литературы.

Почти два десятилетия спустя, в 1923 г., результаты этой «ломки» сформулировал А.З. Штейнберг, работа которого «Система свободы Ф.М. Достоевского» начинается с тезисов, подводящих итог смены литературных вех: «Достоевский – национальный философ России» [20. С. 9].

«Россия и Достоевский, Достоевский и Россия – как вопрос и ответ, как ответ и вопрос. Только с Россией соизмерим Достоевский, только с Достоевским соизмерима и она. Понять Достоевского – это то же, что понять Россию; понять ее – это то же, что пережить ее в творческом умозрении Достоевского» [20. С. 10].

Это написано на волне Серебряного века, которая по причинам социально-политического характера уже стремительно пошла на спад, а точнее – ушла в подполье и за рубеж. Показательно, что сам Шейнберг в монографии Брайана Горовица характеризуется как «последний представитель, почти эпигон русского “Серебряного века”», сохранивший «в 20-е и позднейшие годы его ценности и интеллектуальные послылы» [6. С. 318].

Религиозно-философская критика и производное от нее литературоведение 20-х гг. ретроспективно скорректировали историю русской литературы XIX века, что в перспективе сказалось в том числе на логике построения университетского курса, в рамках которого, в частности, Достоевский «технически» отрезан от Тургенева и, как правило, изучается вне тех личных, идеологических и эстетических связей, которые очень многое определили в его писательской судьбе и творчестве.

У истоков литературной судьбы Достоевского – Гоголь, на которого он равнялся в намерении превзойти и, как ему казалось, сразу – в качестве автора «Бедных людей» – превзошел. К Гоголю же – своеобразному сведению счетов с ним – Достоевский вернулся едва ли не в первую очередь после десяти лет отлучения от литературы, в повести «Село Степанчиково и его обитатели» создав блистательную пародию и тем самым подтвердив приверженность идеям, высказанным В.Г. Белинским в «Письме к Гоголю», чтение которого на заседании кружка М.В. Петрашевского трагически и providенциально переломило жизнь Достоевского.

Заметим, что в 1902 году В.И. Розанов про Гоголя высказался аналогичным Штейнбергу о Достоевском образом: «Гоголь – пример великого человека. Выложите вы его из русской действительности, жизни, духовного развития: право, потерять всю Белоруссию не страшнее станет. Огромная зияющая пропасть останется на месте, где стоит краткое “Гоголь”» [14. С. 340]. Серебряный век – эпоха переосмысления не только творчества Достоевского, но и русской классики в целом.

В еще большей степени, чем Гоголь, на Достоевского повлиял Белинский. И не просто как критик, но как человек, во многом предопределивший эстетические и личностные предпочтения, романную персонажную стратегию Достоевского: герой-идеолог, одержимый идеей-страстью, прототипом своим (в широком смысле этого слова, точнее даже *прображом*) имеет, на наш взгляд, *неистового Виссариона*.

«Хотя по своим литературным обязанностям Белинский был критиком, – писал Л. Шестов, – но по своему душевому складу он скорее может быть назван великим проповедником» [19. С. 34]. Проповеднические амбиции и декларации Достоевского, по-видимому, тоже в немалой степени восходят к этому образцу. Достоевский подпал под обаяние и мощь личности Белинского, сначала в качестве «даровитого ученика, вдохновенно популяризирующего великого мастера Гоголя, объясненного ему Белинским» [19. С. 31], затем – яростного оппонента и обличителя. Разрыв с Белинским стал для него «первой пробой», которую он, по мнению Шестова, «выдержал с честью» [19. С. 36]. Второй пробой, вторым испытанием в этом ряду Шестов называет арест по делу Петрашевского – примечательная параллель. Значимость Белинского для Достоевского безусловно подтверждена в Пушкинской речи, где он, в отличие от Тургенева, ни разу не упоминает учителя, но которая построена на развитии его идей, на полемике с ним, не утратившей для Достоевского актуальности через более чем тридцать лет после смерти Белинского.

И, наконец, третий, главный в контексте нашей темы, аспект творческих связей и взаимодействий Достоевского с коллегами-литераторами. На протяжении всей литературной деятельности в качестве «друга-недруга», предмета притяжения и отталкивания, объекта зависти, ненависти и источника художественной «энергии заблуждения» для Достоевского был Тургенев.

Вообще Достоевский совсем не тот случай, который анализирует Белинский в статьях о Пушкине, рассматривая предшественников как почву, на которой вырастает подлинный *поэт-художник*.

Достоевский вырастает не *из* и не *над*, а – *рядом*. Он не обобщение-итог литературной работы своих предшественников и современников, а равновеликая альтернатива.

Тургенев и Достоевский практически одновременно появляются на литературном небосклоне. Они почти ровесники: Тургенев – 1818-го, Достоевский – 1821-го года рождения. Писательский дебют Достоевского состоялся в 1845 г. повестью «Бедные люди». Тургенев нащупывает свой уникальный художественный путь в 1847-м, с началом «Записок охотника». Оба принадлежат к кругу Белинского, символически соседствуют в первом номере обновленного журнала «Современник», выход которого в 1847 г., вместе с целым рядом других обстоятельств, знаменовал начало нового этапа в развитии русской литературы. Наглядной событийной кульминацией этого этапа станет Пушкинский

праздник 1880 г., где Тургенев и Достоевский выступают главными докладчиками и оппонентами, в других исторических обстоятельствах и на другом материале продолжившими полемику 1847 г. Белинского с Гоголем. Для обоих публичная полемика 1880 г. станет своего рода подведением итогов: через год уйдет из жизни Достоевский. Через три года – Тургенев.

Между серединой 40-х и началом 1880-х гг. судьбы их и литературная деятельность складывались по-разному, но говорить о параллельном, независимом от Тургенева существовании Достоевского в литературе, на наш взгляд, некорректно. «Записки из Мертвого дома», с которыми возвращается из каторжного небытия Достоевский, очевидно написаны не без учета художественного опыта «Записок охотника». Не только идеологические, но и структурные особенности романов Пятикнижия, опираются в том числе на романную стратегию Тургенева. О значимости этого влияния в свое время писал К. Мочульский в связи с так называемым баденским эпизодом 1867 года: «Встреча с Тургеневым в Бадене была провиденциальна. Достоевский задумывал роман о новой России, осознавал себя русским и христианином, и ему нужен был враг, живая конкретная личность, с которой можно было вести спор. Все его творчество – внутренняя полемика, явная или скрытая. Для создания положительного идеала ему необходимо отталкиваться от отрицательной реальности. Гений его раскрывается только в борьбе, природа его – диалектическая. И вот Тургеневу суждено было стать символом русского зла, воплощением национального и религиозного отступничества. В поединке с автором “Дыма” кристаллизовалось мировоззрение Достоевского» [10. С. 380].

На наш взгляд, есть веские основания распространить это высказывание не только на мировоззрение, но и на художественный метод Достоевского, во всяком случае, жанровая модификация идеологического романа Достоевского формировалась в том числе на базе более близких по времени и историко-литературному контексту источников, нежели те, на которые традиционно указывается.

О.А. Богданова обращает внимание на то, что мысль, положенная в основу концепции Бориса Энгельгардта, была до этого мимоходом сформулирована Вячеславом Ивановым, при этом Иванов указывал на генеалогию идеологического романа Достоевского следующим образом: «Достоевский учился у Жорж Санд «идейности» в композиции романов, их философической и общественной обостренности, всему, что сближает их, в самом задании, с типом романа-теоремы» [2. С. 157].

Предположение о том, что он этому учился и у Тургенева, у Иванова, как и его современников и преемников, даже не возникает.

Энгельгардт усматривает «начатки на русской почве» романа такого типа у А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского [21. С. 291] и тоже не видит в этом ряду Тургенева, хотя роман «Что делать?» полемически направлен против романа «Отцы и дети», т. е. возникает в теснейшей связи с ним. Как полемически направлены будут против «Отцов и детей» идеи и образы романов Достоевского.

Напомним, что в момент возвращения Достоевского в литературу, в 1859 г., выходит «Дворянское гнездо», в котором жанровая форма тургеневского идеологического романа предстала, в отличие от романа «Рудин» (1855), в художественно совершенном воплощении. Практически следом появляются романы «Накануне» (1860) и «Отцы и дети» (1862), идеологический характер которых был совершенно очевиден для современников писателя, ожидавших и воспринимавших каждый новый тургеневский роман как ответ на насущные общественные и мировоззренческие вопросы, как предъяснение не просто героя времени, а выразителя идей времени. Полемика, возникавшая после выхода каждого из названных романов, бурная реакция Достоевского, Тютчева и др. на роман «Дым» (1867) обусловлены именно идеологическим посылом, идеологическим характером этих произведений.

Однако то, что было очевидно для современников, парадоксальным образом игнорировалось потомками.

По Энгельгардту, возникновение жанра «идеологического романа» – результат «тоски [Достоевского] по текущему», осознания им себя летописцем «случайного племени» русской интеллигенции. «Система его романов, – пишет Энгельгардт, – образует своеобразную художественную “феноменологию духа” русской интеллигенции»: «с прозорливостью поистине пророческой он ухватил <...> все искания и муки своей эпохи, ее тоску и боль, самые острые противоречия ее духа» [21. С. 272].

Для сравнения приведем высказывание одного из крупнейших специалистов по творчеству Достоевского – Г.М. Фридендера: «Романы Тургенева были живой художественной летописью быстрой смены передовых идейных течений, общественно-идеологических и культурных типов, которая явилась характерной чертой жизни русского общества в период с 50-х по 80-е гг. XIX в. <...> Это-то быстрое изменение идеологической и социальной физиономии “русских людей культурного

слоя” <...> на протяжении более чем двадцати лет с огромной силой художественного реализма запечатлено в романах Тургенева, отличительной особенностью которого как романиста Добролюбов считал его исключительную чуткость к веяниям времени, умение схватить и запечатлеть в художественных образах только что нарождающиеся еще, живые и актуальные явления русского общества» [18. С. 456–457].

В сущности, эта характеристика, если отбросить специфические, характерные для авторского стиля и стиля эпохи выражения в одном и другом случае, тождественна приведенным выше высказываниям Энгельгардта о романе Достоевского. Однако высказывания Энгельгардта и Фридендера странным образом долгие годы существовали параллельно, вне осмысления логики литературного процесса XIX в.

Разумеется, идеологический роман Достоевского существенно отличается от идеологического романа Тургенева [См.: 11, 239–286].

Достоевский, по Энгельгардту, пишет *роман об идее* – Тургенев *о человеке идеи*. Достоевский создает *экспериментальную* сюжетную ситуацию для своего героя-экспериментатора, чтобы дать ему возможность «перетащить» на себе идейное задание. Тургенев создает иллюзию самораскрывающейся действительности, погружает героя-идеолога в естественный жизненный поток и испытывает его на человеческую прочность и состоятельность, без которых любая идея – всего лишь декларация.

«Представитель случайного племени оказывается в конце концов сполна подчиненным своей идее» [21. С. 286], – пишет Энгельгардт о герое Достоевского, ссылаясь на строки из «Дневника писателя» за 1876 г.: «Идея вдруг падает у нас на человека, как огромный камень, и придавливает его наполовину, – и вот он под ним корчится, а освободиться не умеет» [7. С. 24]. Герои Тургенева ведут себя по-разному: под тяжестью идеи падает Нежданов, чего никак нельзя сказать об Инсарове, Базарове и даже о Лаврецком и Литвинове.

Герой Достоевского мечется между двумя безднами, взаимосвязанными, взаимодополняемыми и взаимонеобходимыми в духовном опыте человека, по логике романиста; причем из каждой из них есть путь в другую, соответственно в романах Достоевского – и в этом был прав М.М. Бахтин – смерти нет, точнее «рождение чревато смертью, смерть – новым рождением» [1. С. 167].

Герой Тургенева из кажущейся мирной и обыденной ситуации шагает навстречу вечности, из которой нет обратного пути, перед лицом смерти обнажается его человеческая сущность, а значит, и его состоятельность (или несостоятельность) как идеолога.

При этом у Достоевского мы видим и похожий на тургеневский расклад системы персонажей (см.: 11, 199–213), и тургеневскую девушку в специфическом экзальтированном достоевском варианте (это девушка «с намерениями» – Дуня Раскольников; это Аглая Епанчина: и ее выбор самого необыкновенного из всех возможных женихов, и жажда деятельного добра, и польский граф в финале – иронический перифраз «болгара» в «Накануне» – отсылает к Тургеневу); и даже прообраз Настасьи Филипповны обнаруживается в княгине Р., не говоря уже о том, сколь значимую роль в формировании образов идеологов и скептиков Достоевского сыграл Базаров.

Однако Базаров в интересующую нас эпоху понимается одномерно, плоско, а следовательно, искаженно – как олицетворение интеллигентского нигилизма, суть которого – «отрицание или непризнание абсолютных (объективных) человеческих ценностей» [17. С. 159], т. е. *аморализм*: «Наш Базаров <...>, – пишет С.Л. Франк, – был, конечно, неопровержимо логичен, когда отказывался служить интересам мужика и высказывал полнейшее равнодушие к тому человеческому благополучию, которое должно наступить, когда из него, Базарова, “будет лопух расти”» [17. С. 159].

Возвращаясь к литературным истокам идей и образов Достоевского, заметим, что в романе «Бесы» не только образ Кармазинова, но и образ Степана Трофимовича Верховенского – и даже в большей степени, чем Кармазинова, – содержит отсылки к Тургеневу и полемике с ним, весьма неоднозначную по своим итоговым смыслам [см.: 13, 166–239].

Оглядка на Тургенева, идеологическая и эстетическая полемика с Тургеневым, творческая конкуренция с Тургеневым очень многое определили в творчестве Достоевского, и прежде всего в становлении характерного для него «принципа формы» (Иванов) – *идеологического романа*. Однако – повторимся – тургеневский след в жанровой стратегии Достоевского был проигнорирован.

Причина состоит именно в том, что между собственно научным дискурсом в работах Энгельгардта, Бахтина и др., с одной стороны, и творчеством Достоевского – с другой, находится мощный пласт религиозно-философских штудий. Для Вячеслава Иванова, замечает С.Г. Бочаров, «титаниче-

ская проблематика” Достоевского в большей или меньшей мере утрачивается в этом новом литературоведении», однако сам Бочаров полагает, что «Проблемы поэтики Достоевского» Бахтина «возникли на месте встречи нашей философской критики и новой науки о Достоевском» [3. С. 516].

По определению Лены Силард, которую в том числе цитирует Бочаров, Бахтин «учение Вяч. Иванова, сформулированное в традициях эзотерической метафизики <...> переводит на язык секуляризованной культурологии, сохраняя тем не менее его религиозную основу. В конечном итоге такой “перевод”, разумеется, означает пояснительное развертывание мысли в одном направлении и редукцию ее “боковых ответвлений”. Но он же [уточняет исследователь] означает и сохранение ее основного ядра, что позволяет видеть в Бахтине носителя памяти в эпоху беспамятства» [15. С. 25].

Тургенев на этом этапе развития литературоведческой науки вообще никак не ассоциируется с Достоевским, он проходит «по другому ведомству».

Характерно то, что М. Гершензон, писавший о Тургеневе более чем через полвека после Добролюбова, досадливо отмахивался от идей, которые так волновали современников писателя («теперь от них никому не тепло, они выдохлись давным-давно») и считал «живым и жгучим» в творчестве Тургенева «женщину и ее любовь» [5. С. 44]. В. Топоров, апеллируя к авторитету Гершензона, «называет “дурной традицией” увлечение общественной проблематикой тургеневских романов» [12. С. 219].

Показательно в этом плане намерение Шестова противопоставить Тургеневу Чехова: Шестов не видит у Тургенева «творчества из ничего», не распознает в Базарове предтечу не только героев Чехова, но и в немалой степени самого Чехова. Противопоставляя Толстого, который хочет во что бы то ни стало «приручить тех бешеных зверей, которые называются иностранными словами скептицизм и пессимизм» [19. С. 69], Достоевскому, который выпускает этих бешеных зверей, т.е. психологию и «подполье», на художественный простор, Шестов опять-таки игнорирует художественный опыт Тургенева, в котором скептицизм и пессимизм облечены в другую форму, нежели у Достоевского, – в результате тургеневская мировоззренческая «диверсия» остается неопознанной, или не воспринятой всерьез, или снисходительно прощенной как некоторая странность в поэтической, «монологически» замкнутой «законченным мировоззрением» (так это определяет Шестов) картине бытия. Странно, что Шестов не опознал в Тургеневе своего мировоззренческого предшественника, задолго до него самого сформулировавшего и художественно воплотившего скептическое отношение к любым законченным, претендующим на истину в последней инстанции философским концепциям.

Об отношении Шестова и других религиозных философов к Тургеневу можно сказать, воспользовавшись формулой Бочарова: «Бахтин бывал несправедлив к Толстому, оттого что не был к чему-то главному в нем расположен» [3. С. 525].

Вот и к Тургеневу – главному в нем – оказались не расположены критики Серебряного века. В том числе потому, что тургеневский скептицизм распространялся на то, что стало предметом их главного интереса: «Религиозные вопросы, которые волнуют Россию, не имеют ничего общего ни с философией, ни с литературой» [16. С. 390], – заметил Тургенев в одном из писем 1880-го г.

Следует сказать, что в рамках заданной религиозно-философскими штудиями тенденции «корректировались», подверстаясь под концепцию, не только Тургенев, Толстой, но и сам Достоевский. «Упоение Достоевского», как определил художественную манеру писателя Юрий Иваск, обернулось *упоением Достоевским*, в результате чего в Достоевского нередко вчитываются и вписываются ожидания и упования его толкователей.

«Вне всяких сомнений, – пишет Горовиц, – Штейнберг воспринимал Достоевского сквозь призму Владимира Соловьева и не только его. К моменту, когда Штейнберг пришел к своему Достоевскому-неоплатонику, Федор Михайлович уже претерпел ряд метаморфоз, став Достоевским Меррежковского, Вячеслава Иванова, Льва Шестова и, конечно же, Ницше. К их Достоевскому Штейнберг добавил собственного, в некотором смысле филосемита – ведь Достоевский научил Штейнберга взгляду на еврейскую религию, абсолюту как идее и инструменту духовного избавления» [6. С. 322].

Методологический крен религиозно-философских и научно-философских подходов очень точно сформулировал в 1934 г. Василий Леонидович Комарович: «Ошибки Бахтина и Попова симптоматичны. Оба эти исследователя по-разному ищут “ключ” к построению романа у Достоевского; при этом, однако, они оставляют без внимания историческую перспективу созданного Достоевским литературного жанра, и их диаметрально противоположные, но равно необоснованные тезисы доказывают лишь то, насколько велика необходимость ретроспективного исторического изучения построения романов Достоевского» [9. С. 548].

Энгельгардт смотрит на Достоевского с учетом и на базе опыта религиозно-философских штудий – и не видит роман Тургенева как идеологический роман именно потому, что он не дал пищи критикам религиозно-философского направления, выпал из поля их зрения в нишу «социально-историческую». «Отношение главных героев Достоевского к внешнему миру определяется в самом ходе действия романа не бытовой традицией, не принадлежностью к той или иной социальной группе, что так явственно проступает у Толстого или Тургенева, но переживанием этого мира в одном из вышеуказанных планов»: *среда, почва, земля* [21. С. 294]. Отсюда и концепции Л. Я. Гинзбург и Г. А. Бялого о социально-исторической детерминированности тургеневских героев.

В этом смысле актуальна и относительно эпохи Серебряного века, и в немалой степени относительно наших дней мысль Энгельгардта, о том, что литературная критика не поднимается над уровнем Раскольникова, Ставрогина, Ивана Карамазова и других героев Достоевского: «...беспомощная перед страстной диалектикой жестокого таланта, она неизбежно вовлекается в опасную игру порождаемых им идей, переживаний и образов» [21. С. 270].

И Вячеслав Иванов с его концепцией романа-трагедии, и Борис Энгельгардт с концепцией идеологического романа, и Михаил Бахтин с концепцией полифонического романа опираются на совокупную трактовку творчества Достоевского, созданную в рамках религиозно-философской критики, оптика которой оказалась непригодна для восприятия такого явления, как творчество Тургенева. Или, наоборот: творчество Тургенева оказалось непроницаемо для такого *монологического, методологически и идеологически ангажированного* подхода, который был выработан литературоведением 1920-х годов на основе религиозно-философских штудий творчества Достоевского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. писатель, 1963. 364 с.
2. Богданова О.А. Вячеслав Иванов и становление науки о Достоевском на рубеже 1910–1920-х годов (М.М. Бахтин, Б.М. Энгельгардт, В.Л. Комарович) // Литературоведческий журнал № 39. М.: ИНИОН, 2016. С. 143–170.
3. Бочаров С. Достоевский у Бахтина (Бахтин-филолог) // Достоевский и XX век. В 2 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 752 с.
4. Вольнский А.Л. Ф.М. Достоевский. СПб: Энергия, 1906. 501 с.
5. Гершензон М.О. Мечта и мысль И.С. Тургенева. М: 1919. 170 с.
6. Горовиц Брайан. Еврейские интеллектуалы Российской империи. М.: Три квадрата, 2017. 368 с.
7. Достоевский Ф.М. Полное собр. соч. в 20 т. Т. 23. Л.: Наука, 1981. 423 с.
8. Исупов К.Г. Компетентное присутствие (Достоевский и «Серебряный век») // Достоевский: Материалы и исследования. 15. СПб: Наука, 2000. С. 3-26.
9. Комарович В.Л. «Весь устремление»: Статьи и исследования о Ф.М. Достоевском. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 927 с.
10. Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 607 с.
11. Ребель Г.М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского (Типологические явления русской литературы XIX века). Пермь: ПГПУ, 2007. 398 с.
12. Ребель Г.М. Испытания русского романа: «Накануне» И.С. Тургенева в добролюбовской интерпретации // Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 202–222.
13. Ребель Г.М. Тургенев в русской культуре. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 376 с.
14. Розанов В.И. Гоголь // Мир искусства. 1902. Т. 8. № 12 (декабрь). С. 337–342.
15. Силард Лена. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. – 328 с.
16. Тургенев И.С. Полное собр. соч. и писем в 28 т. Письма в 13 т. Т. 12 (кн. 2): 1879–1880. Л.: Наука, 1967. 651 с.
17. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи; Интеллигенция в России: Сборники статей 1909–1910. С. 153–184.
18. Фридлиндер Г.М. Романы Тургенева. «Рудин» // История русского романа в 2 т. Т. 1. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1962. С. 456–457.
19. Шестов Л. Сочинения. М.: Раритет, 1995. 431 с.
20. Штейнберг А.З. Система свободы Ф.М. Достоевского. Берлин: Скифы, 1923. 145 с.
21. Энгельгардт Б. Идеологический роман Достоевского // Ф.М. Достоевский: Статьи и материалы. Выпуск второй. М.: Мысль, 1925. С. 270–308.
22. Якубович И.Д. Достоевский в религиозно-философских и эстетических воззрениях А.Вольнского // Достоевский: Материалы и исследования. 15. СПб: Наука, 2000. С. 67–89.

Ребель Галина Михайловна, доктор филологических наук, профессор
кафедры теории, истории литературы и методики преподавания литературы
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
E-mail: ranilag@yandex.ru

G.M. Rebel

**TURGENEV AND DOSTOEVSKY: THE MILESTONE CHANGE IN CRITICISM
AND LITERARY STUDIES OF THE SILVER AGE**

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-3-503-510

The article analyzes the reasons and character of historical and literary milestone change, which was fulfilled within the framework of Russian religious philosophy and literary studies of the 1920s.

Literary and philosophical criticism of the Silver age made the creative works of Fyodor Dostoevsky the main subject of its interest and it predetermined the content of the literary criticism concepts of B.Engelhardt and M.Bakhtin, who influenced the following literary criticism to great extent.

It brought some misrepresentation to the literary process interpretation of the second part of the 19th century, which still influences the university and school literature courses of the period.

In particular the religious and philosophical studies and works of the 1910-1920s based on them broke the ideological and aesthetic connection between the creative works of Dostoevsky and Turgenev, the polemical character of Dostoevsky's works concerning Turgenev was ignored.

The article rebuilds the second half of the 19th century's literary process logic, the consequence of Turgenev's ideological novel and only after it, in connection with it and mainly in polemic with it – the ideological novel by Dostoevsky. The presumed comparison of the two genre modifications of the ideological novel allows to depict their common features on the one hand and on the other – the principal differences, aesthetic specificity, predetermined by the particular features of the artistic vision and strategies of Turgenev and Dostoevsky.

Keywords: Turgenev, Dostoevsky, B. Engelhardt, A. Steinberg, M. Bakhtin, A. Volynsky, V. Ivanov, L. Shestov, ideological novel, genre modification, novel about the idea, novel about the man of idea.

REFERENCES

1. Bahtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. M.: Sov. pisatel', 1963. 364 s. (In Russian).
2. Bogdanova O.A. Vyacheslav Ivanov i stanovlenie nauki o Dostoevskom na rubezhe 1910–1920-h godov (M.M. Bakhtin, B.M. Engel'gardt, V.L. Komarovich) [Vyacheslav Ivanov and the formation of the science of Dostoevsky at the turn of the 1910s-1920s (M.M. Bakhtin, B.M. Engelhardt, V.L. Komarovich)]. // Literaturovedcheskij zhurnal [Literary journal]. № 39. M.: INION, 2016. S. 143–170. (In Russian)
3. Bocharov S. Dostoevskij u Bahtina (Bahtin-filolog) [Dostoevsky at Bakhtin (Bakhtin-philologist)] // Dostoevskij i XX vek. [Dostoevsky and the XX century]. V 2 t. T. 1. M.: IMLI RAN, 2007. 752 s. (In Russian)
4. Volynskij A.L. F.M. Dostoevskij. SPb: Energiya [Dostoevsky]. Saint Petersburg: Energiya, 1906. 501 s. (In Russian)
5. Gershenzon M.O. Mechta i mysl' I.S. Turgeneva [I. S. Turgenev's dream and thought]. M: 1919. 170 s. (In Russian)
6. Gorovic Brajan. Evrejskie intellektualy Rossijskoj imperii [Jewish intellectuals of the Russian Empire]. M.: Tri kvadrata, 2017. 368 s. (In Russian)
7. Dostoevskij F.M. Polnoe sobr. soch. v 20 t. [Jewish intellectuals of the Russian Empire]. T. 23. L.: Nauka, 1981. 423 s.
8. Isupov K.G. Kompetentnoe prisutstvie (Dostoevskij i «Serebryanyj vek») [Competent presence (Dostoevsky and the Silver age)] // Dostoevskij: Materialy i issledovaniya [Dostoevsky: Materials and research]. 15. SPb: Nauka, 2000. S. 3-26. (In Russian)
9. Komarovich V.L. «Ves' ustremlenie»: Stat'i i issledovaniya o F.M. Dostoevskom [«The whole aspiration»: Articles and research about F. M. Dostoevsky]. M.: IMLI RAN, 2018. 927 s. (In Russian).
10. Mochul'skij K. Gogol'. Solov'ev. Dostoevskij [Gogol'. Soloviev. Dostoevsky]. M.: Respublika, 1995. 607 s. (In Russian)
11. Rebel' G.M. Geroi i zhanrovyje formy romanov Turgeneva i Dostoevskogo (Tipologicheskie yavleniya russkoj literatury XIX veka) [Heroes and genre forms of Turgenev and Dostoevsky's novels (Typological phenomena of Russian literature of the XIX century)]. Perm': PGPU, 2007. 398 s. (In Russian)
12. Rebel' G.M. Iskusheniya russkogo romana: «Nakanune» I.S. Turgeneva v dobrolyubovskoj interpretacii [The temptations of the Russian novel: "On the Eve" by I. S. Turgenev in Dobrolyubov's interpretation]. // Voprosy literatury [Questions of literature]. 2006. № 2. S. 202–222. (In Russian)

13. Rebel' G.M. Turgenev v russoj kul'ture [Turgenev in Russian culture]. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2018. 376 s. (In Russian)
14. Rozanov V.I. Gogol' [Gogol'] // Mir iskusstva [World of art]. 1902. Т. 8. № 12 (dekabr'). S. 337–342. (In Russian)
15. Silard Lena. Germetizm i germenevtika [Hermeticism and hermeneutics]. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2002. 328 s. (In Russian)
16. Turgenev I.S. Polnoe sobr. soch. i pisem v 28 t. Pis'ma v 13 t. Т. 12 (kn. 2) [Complete works and letters in 28 vols. Letters in 13 vols.(book 2)]: 1879–1880. L.: Nauka, 1967. 651 s. (In Russian)
17. Frank S.L. Etika nigilizma [The ethics of nihilism]. // Vekhi; Intelligenciya v Rossii: Sborniki statej 1909–1910 [Milestones; Intelligentsia in Russia: Collections of articles 1909–1910]. S. 153–184. (In Russian)
18. Fridlender G.M. Romany Turgeneva. «Rudin» [Turgenev's Novels. «Rudin»]. // Istoriya russkogo romana v 2 t. Т. 1. [History of the Russian novel in 2 vols.Vol. 1]. M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 1962. S. 456–457. (In Russian)
19. SHestov L. Sochineniya [Works].. M.: Raritet, 1995. 431 s. (In Russian)
20. SHtejnberg A.Z. Sistema svobody F.M.Dostoevskogo [F. M. Dostoevsky's system of freedom]. Berlin: Skify, 1923. 145 s. (In Russian)
21. Engel'gardt B. Ideologicheskij roman Dostoevskogo [Dostoevsky's ideological novel] // F.M. Dostoevskij: Stat'i i materialy. Vypusk vtoroj [F.M. Dostoevsky: Articles and materials. The release of the second]. M.: Mysl', 1925. S. 270–308. (In Russian)
22. Yakubovich I.D. Dostoevskij v religiozno-filosofskih i esteticheskikh vozzreniyah A.Volynskogo [Dostoevsky in the religious-philosophical and aesthetic views of A. Volynsky] // Dostoevskij: Materialy i issledovaniya [Dostoevsky: Materials and research]. 15. SPb: Nauka, 2000. S. 67–89. (In Russian)

Received 11.01.2020

Rebel G.M., Doctor of Philology, Professor, at Department of theory, history of literature and methods of teaching literature
Perm State Humanitarian-Pedagogical University
Sibirskaya st., 24, Perm, Russia, 614990
E-mail: ranilag@yandex.ru